

ВСТРЕЧА НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ

Мне давно хотелось написать о любви. И именно об этой паре. Потому что о любви — это значит для меня о них.

Я наблюдаю их не первый год. Часто вижу, как гуляют они по асфальтированным переделкинским дорожкам.

Часто слышу: «Любочка» — это Рика Льву. «Котыка» — это Лев Рике.

Однажды я везла Льва на машине в Москву. Лев, казалось, чем-то расстроен. Я спросила. Он ответил: «Рика... Она не любит, когда я уезжаю... Рика хочется каждую минуту держать меня за руку... Но что поделаешь — дела». Потом чуть помолчал и добавил: «Собственно, и мне больше всего на свете хочется каждую минуту держать ее за руку»...

Я наблюдаю их не первый год, и не только мне приходило в голову: «Боже, да это же любовники! Как будто вчера из-под венца».

В июне этого года исполнилось 47 лет, как они вместе.

РИКА И ЛЕВ познакомились в Вожаеле на каком-то производственном совещании по лесозаготовкам. Шел к концу сорок третий год, и Рика, или Ревекка Ефремовна Берг, как называлась в ее деле, работала старшой нормировщицей в конторе управления на Комендантском лагпункте. Лев — Лев Эммануилович Разгон — тоже трудился старшим нормировщиком, но в тридцати километрах от Вожаеля на Первом лагпункте. Все вместе это называлось Усть-Вымлаг (почтовый ящик — п/я 243/11) и было оторвано от ближайшей цивилизации как минимум на сотни километров — столько было до Сыктывкара, столицы Коми Республики.

К этому времени оба они, и Рика, и Лев, были уже «вольнушками», то есть лагерные сроки их кончились. Рика освободилась чуть раньше — в ноябре 1942 года. «Пятерка» Льва искалась в апреле сорок третьего, но ему «припаяли» второй срок еще в лагере, потому — это было чудо! — приговор отменили, и он вышел на волю уже на исходе сухого, жаркого, северного лета.

Воля, которую они получили, — это была воля в советском понимании этого слова. Они уже не сидели в лагере, их не водили утром на поверхку, а потом, под конвоем, на работу. На работу (примечательно, что и в зоне, — таково было условие этой «воли») они ходили сами. Но паспорта у них по-прежнему не было, не было и права выезжать куда-либо за пределы не только что лагеря — лагерного пункта. В общем, зеки не зеки, свободные не свободные — что-то вроде бессрочносырьных.

Но все равно это было счастьем! Рика необыкновенно повезло: управление ей выделило собственную комнатку, даже не комнатку — квартиру в пятиквартирном баракном доме на берегу реки Висляны. Еще у нее была подушка, был чехол от матраса и почти настоящая двойка — юбка и кофта, лагерными умельцами сделанные из того лыжного костюма, в котором забрали ее в ноябре тридцать седьмого года из московской квартиры в Кривоарбатском переулке.

Вот сюда, в эту сырую и холодную квартирку, каждую субботу, отдавав пешим ходом 30 километров из своего Первого лагпункта, приходил к ней ее Левушка. И был пир — по карточкам выдавали 0,5 литра постного масла и кислой капусты (голодали тогда почти однаково и на воле, и в лагере), и было счастье, и была свобода: не та свобода, что разрешила им советская власть, но та, что брали они из изкалеченной своей жизни сами.

...О своей судьбе — семнадцать лет лагерей и ссылок — Лев Разгон рассказал в книге «Непридуманное». О Рике там совсем немного. Потому я хочу чуть подробнее рассказать о Рикиной жизни.

Она родилась в год первой русской революции (1905 г.) в семье шахтерского рабочего-человека, профессионального революционера Ефрема Берга.

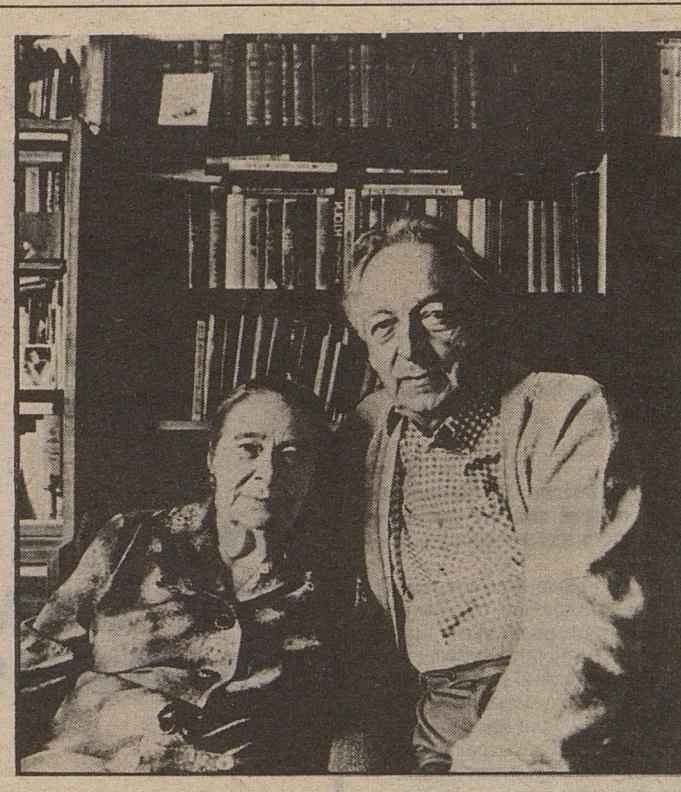
Как и положено профессиональному революционеру, жизнь Берга была соткана из ссылок и тюрем, и потому, когда пришел февраль семнадцатого года и пала монархия, Ида Савельевна, мать Рики, была счастлива: она устала от конспирации, от догляда приставов, от передач и тюремных свиданий.

Но на несчастье мамы, и Рики, и пятилетней сестрички Анейки, Берг не был большевиком, напротив, был в оппозиции к ним, состоял в руководстве партии правых эсеров.

Бывшие соратники по борьбе с царизмом посадили его уже в июне 1918 года. Для мамы это был удар, от которого она так уже и не оправилась.

Вот с этого времени, с предварительной тюремы на Гороховой, 2 в Петрограде, куда они с мамой приносили передачи папе, и началось Рикино знакомство с советскими тюремами, лагерями и ссылками — сначала опосредованное, через отца, потом личное. И продолжалось вплоть до пятьдесят третьего года. В восемнадцатом Рике было 15, в пятьдесят третьем — 48 лет.

Эксклюзивные представители по сбору рекламы для русского издания «МН» на территории Южной Кореи International Media Services Co. тел. (02) 718 9554/5 факс: (02) 718 9553 телекс 25027 IMSCO K

О ЛЮБВИ

Ну а за тюремой на Гороховой в Петрограде последовали Бутырки — сюда Рика каждое воскресенье приходила к отцу на свидание (весьма невероятная для заключенных 1937 года). Потом, когда Рика арестовали и, пропустив через внутреннюю тюрьму на Лубянке, привезли в Бутырки, она почувствовала себя здесь как дома — «в Бутырках я знала все».

(Из разговора Рики со Львом.

Рика: Любочка, когда тебя привезли во внутреннюю тюрьму, стены были белые?

Лев: Да.

Рика: А у нас все испаны. И в туалете я вырезала: «5 лет КРД. Р. Берг».

Лев: А я прочитал в Бутырках: «Будь терпелив, ничего не удивляйся и жди худшего».

Дальше у отца была еще какая-то тюрьма — кажется, где-то в Суздале, дальше был 1922 год, знаменитый процесс над правыми эсерами, проходивший в Колонном зале Дома союзов: Бергу дали 5 лет. Столько же, сколько потом, в 1937-м, Рике. Большую часть из них Берг отбыл в ссылке в Нагорном Дагестане: здесь умерла мама, здесь Рикино образование пополнилось и знанием сильной жизни.

Из Дагестана Берг уже и не выбрался. Вернее, выбрался, но куда, в какую тюрьму — то скрыто в архивах КГБ: известно только, что в июне 1938 года он был расстрелян.

Рика в это время уже сидела в Бутырках — ожидала этап в марийские лагеря.

Когда Рику пришли братья, она не испугалась: «Я всегда знала, что меня посадят».

Рику привезли на Лубянку, и здесь она явственно поняла: жизнь кончилась, это — навсегда. У нее за спиной был богатый опыт отца.

...Но я собираюсь писать о любви...

А любовь была. Ах, какая это была любовь!

Правда, одно время Льву запретили появляться в Вожаеле. Любовь начальство преследовало. Разврат, свалочный грех — пожалуйста, но только не любовь.

Но Лев нарушил эти запреты, а когда не мог, они звонили друг другу по телефону, благо в конторах телефон был, и говорили до тех пор, пока телефонисткам не надоедало слушать их излияния.

В сорок пятом война кончилась, Рика и Лев, не без трудностей, получили «раскрепление», то есть паспорт, в котором стояла пометка: без права селиться в Москве, Ленинграде и еще в двухстах с лишним городах Страны Советов, получили отпуска и оба съездили в Москву.

В Москве Лев увиделся, если не сказать точнее — познакомился со своей Наташкой — дочкой, которой, когда его забрали, был год. Наташка жила с бабушкой: Оксаной, ее мама и первая жена Льва, погибла, не дойдя до лагеря, на одной из пересылок. Оксана было 22 года.

Рику в Москве не ждал никто: сестра Анечка умерла в войну, по дороге в эвакуацию.

А потом выпала им возможность и вовсе уехать из лагеря.

Жили нелегально в Москве у Левиной мамы — пока соседка не донесла. Потом перебрались в Ставрополь. Жили тяжело и голодно — Лев работал методистом в кабинете кульпросветработы, Рика печатала на машинке — в общем, денег не было никаких.

Но жили замечательно — они снимали угол у медсестры Жени: за занавеской у них была узкая, покрытая коричневым дерматином медицинская кушетка.

Рику арестовали в марте 1949 года.

Взяли ее как «повторницу». Потом следствие было скрым и немудреным, зато Рика кое-что добавила к своему тюремному образованию: например, если в тридцать седьмом в камере позволяли лежать, то в сорок девятом ложиться можно было только после отбоя. В тридцать седьмом в камере та-бутро могло не быть, в сорок девятом были, но намертво привинченные к полу, и так, что нельзя было прислониться к стене — спина от такого сидения деревянила.

Впрочем, опыта Рики было не занимать. Она знала, как вымыться и постираться в тюремной бане, когда на все про все — одна шайка воды, знала, как соблюсти — назовем это деликатно — женскую гигиену, когда ничего нет и воды тоже нет. Знала, что подвязки для чулок отнимут, и знала, что в этом случае надо сделать с чулками, и как обойтись без белья вовсе — тоже знала.

(Однажды в камере взвели женщину — очевидно, из высших слоев. Дверь захлопнулась, а женщина продолжала стоять, обхватив себя крест-накрест руками, и плакала. «Что?» — кинулась к ней Рика. Было видно: женщину еще не били.

— У меня, — голос ее захлебывался, — у меня... отобрали грацио. — И она показала на свою большую грудь, ничем не поддерживаемую под платьем.

— Господи, и вы из-за этого плачете?

Камера — уже повидавшая камера — хохотала до слез: «Отобрали грацио и она — убивается... Тут жизнь отирают...»

В тюрьму Лев, выстаивая долгие очереди, регулярно передавал Рике письма. Писать друг другу было нельзя, но Левушка и тут перехитрил тюремщиков.

Лев писал ей на продуктах. На скорлупе сваренного вкрутую яйца вывел дату их той, лагерной свадьбы. Для тюремщиков — цифрики и цифрики, мало ли какие даты на яйцах ставят, для Рики — изумительное воспоминание и все остальное, что при таких воспоминаниях люди друг другу говорят.

Царапал Левушка слова, нет — сло-ва! — гвоздем на баранках — будут ли тюремщики каждой жалобой? И на расческе, что Рика вдруг понадобилась, тоже царапал.

Рика же написать ему и этой малости не могла, а потому, расписываясь на квитанции в получении передачи, долго и тщательно выводила имя, отчество, фамилию, дату, что означало: со мной все хорошо, весточку получила — спасибо, рада, думаю о тебе, очень беспокоюсь и тоскую... Годы спустя, когда я поздравляю и снова сказать то, что всегда ей хотелось сказать, Рика бросила курить. «Передайте, чтобы сигареты мне больше не приносили, с 15 июня я больше не курю», — попросила она тюремщиков. — Пожалуйста, скажите, что именно с пятнадцатого я больше не курю... Короче, они оба знали, как выжить в тюрьме, на этапе, в лагере. Теперь Рика предстояла ссылка.

Ссылку ей дали вечную — так было записано в приговоре. Отбывать предстояло в Красноярском

крае, в Сибири, в маленьком селе Бирюзово.

Рика не волновалась: она же знала — «это навсегда».

Разгон был в свободе еще почти целый год. Он даже успел съездить к Рике в Бирюзово, пожить полтора месяца в крошечной Рикиной комнате за огромной русской печью. Они ходили вечерами в гости или Рика, вернувшись с работы, жарила рыбку и они закатывали уже свои бирюзинские пирры — они были вместе и наслаждались жизнью «сожителей в незаконном браке» (так было написано в одной из справок), хотя в Рикином деле Лев уже проходил как муж, а Рика в деле Льва — как жена. Жили, любили и строили всякие планы о дальнейшей своей замечательной жизни в далеком сибирском углу.

О том, что Льва наконец взяли, Рика узнала просто: в пятницу, как было между ними условлено, не пришла от Льва телеграмма. Потом получила письмо: «Лев заболел той же болезнью...» — написала ставропольская квартирантка хозяинки.

На душе у Рики было мутно, но в конце концов то, что Левушку должны снова посадить, она понимала и потому ждала известия о том, куда дадут ссылку ему. А там... Там они уж как-нибудь соединятся, как-нибудь упросят гуманную советскую власть дать им разрешение отбывать свои вечные ссылки вместе.

Лев получил десять лет лагерей. Статья 58.10 — контреволюционная агитация.

Когда Рика узнала об этом, о том, что не ссылка — срок, лагерь, она завыла. Закричала, как никогда не кричала в своей жизни. Она понимала: еще десять лет лагеря Левушке не выдержать, не выжить, у нее — вечная ссылка, значит, и свидания к нему в лагерь не видеть.

...Я не могу спокойно писать об этом. Я пытаюсь понять состояние этой уже немолодой, сорокапятилетней женщины, которая влюбилась — сильно, страстью посреди того лагерного компарта, которая прожила — не по-человечески, не нормально, но безумно, до истомы счастливо почти шесть лет, и вот... Вдова — не вдова, жена — не жена, и холодная пустая постель...

Пять лет. Пять лет они почти каждый день писали друг другу письма. Все письма Льва Рика рвали — она не хотела, чтобы когда-нибудь, при следующем аресте их читали энкаведэшники.

Рика вернулась в Москву в пятьдесят четвертом. Лев через год, в пятьдесят пятом. У них не было ни колы, ни дворы, ни имущества — буквально ничего. Только 31 год лагерей и ссылок на двоих.

Когда они расались, у них не оказалось денег даже на «четвертинку».

TO было потом? Лев писательствовал, Рика печатала на машинке, они растили Наташку. Своих детей Рика заводить было поздно, хотя врачи и говорили ей, что Господь Бог создал ее для деторождения... А детей Рика любит. Получили комнату, потом квартиру — 28 квадратных метров. Живут в ней и пойны.

В разговоре, в обоих у них сохранились лагерные слова и привычки. «Пайка», «оправка» — это из повседневного лексикона. Где бы не были, никогда не оставляют ключи снаружи — память о тюремах, надзирателях и ключах, закрывавших в камерах с той стороны. На годы.

Впрочем «что было потом»? Что было?

Любовь. И наша жизнь.

Потом грянула перестройка, и Лев Разгон опубликовал свою книгу «Непридуманное», которую писал «в стол» последние двадцать лет. Разгон сразу и как-то оглушительно стал знаменитым. Они съездили в Италию, в Англию, во Францию... Рика смеялась: «Надо было дождаться до 83 лет, чтобы впервые поехать за границу...»

Летом 1991 года какие-то киношники затеяли о Разгоне фильм. Повезли его в Бутырки, к той камере, где он когда-то сидел. Лев вернулся оттуда не в себе — плакал...

...Я люблю наблюдать за ними. Рика, после многочисленных своих переломов, ходит трудно, но все равно в фигуре, в повороте головы, в руках — во всей ее есть